

А. В. Толстокорова

Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства

Аннотация: в работе рассматривается процесс пространственной эмансипации украинских женщин в гендерной перспективе. Проведенный анализ позволил установить основные способы достижения женщинами пространственной эмансипации, которыми являются социально-профессиональная и географическая мобильность и новые виды телесно-физических практик. Выделены основные предпосылки, способствовавшие достижению женщинами пространственной свободы в публичной сфере: экономические, морально-этические, социо-культурные и дидактические.

Ключевые слова: культурология, гендерная идентичность, гендерная идеология, патриархальность, положение женщины, публичное пространство, семейные устои, социальная мобильность, Украина, эмансипация.

«Мобильность — это один из аспектов свободы, и она является чем-то новым и захватывающим для женщин. Быть свободной для перемещения, ехать, куда хочется, не будучи наказанной за это психологически или физически, — это право, которое женщины лишь только начали обретать. <...> Кроме того, мобильность связана со свободой избрания новых способов управления собственной жизнью, новых, более адекватных схем саморепрезентации».

R. Braidotti¹

В патриархальном обществе физическое и социальное пространство женщины и мужчины строго сегрегировано на основании принципа гендерной бинарности. В соответствии с античной формулой «дом — мир женщины, мир — дом мужчины» женщина ассоциируется со сферой внутреннего, приватного (домом, семьей, детьми), а мужчина — со сферой внешнего, публичного (производственными, корпоративными и политическими отношениями), причем первое находится под покровительством и в экономической зависимости от последнего. Гендерные роли женщины, имея низкую социальную ценность, оказываются за пределами сферы гражданственности и не позволяют ей в полной мере участвовать в процессе принятия решений. Доступ в сферу публичного для нее жестко ограничен, а мобильность в нем строго регламентируется обществом. Исключение допускается лишь для деклассированных «падших» женщин, которые именно в силу своей относительной физической свободы в публичном пространстве именуется «публичными женщинами».

Для анализа независимой пространственной мобильности украинских женщин с исторической точки зрения и с позиций гендерного анализа нами введен аналитический концепт *пространственной*

эмансипации, понимаемой как расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин для достижения пространственной свободы в публичной сфере.

Мода как метод социального контроля физической мобильности женщины: «сними обувь твою». На протяжении истории методы контроля обществом физической мобильности женщин приобретали изощренные и даже жестокие формы. В Китае этой цели (но не только ей) служила традиция бинтования ног, деформировавшая их настолько, что они теряли функциональность и служили исключительно декоративной цели. Традиционной формой регламентации пространственной свободы женщины являются каблуки, мода на которые определяется социальным заказом на массовое присутствие женщин в публичном пространстве, преимущественно в составе трудовой силы². После Второй мировой войны, когда мужчины США и Европы стали возвращаться на свои рабочие места, занятые на период войны женщинами, последние стали лишними на рынке труда и всячески поощрялись оставлять работу, заниматься семьей и домом. Именно в этот период в моду входят высокие каблуки, ограничивающие физическую свободу женщины. Следующая волна интереса к ним со стороны индустрии моды приходится на годы консервативной реакции

¹ Braidotti R. Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory. New York, 1994. P. 256. <http://www.archive.org/stream/viaggiodamilano01amorgoog#page/n10/mode/2up>

² Bates Ü. Ü. et al. Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies. New York; Oxford, 1983. P. 198–199.

конца 1970-х гг., которым предшествовал период популярности удобной и комфортной обуви.

К каблукам и платформам как формам социального контроля физической сферы женщины прибегали во все времена и у разных народов. В Манчжурии этой цели служили громоздкие «каблуки-чопины», достигавшие иногда 25 см в высоту, в Венеции — полуметровые «чополли», в Испании — «цоколлы» или «альбарки», в Германии и Англии — металлические «паттены», а в Турции и Марокко — «кабкабы» и «налины». Передвигаться на таких «ходулях» по узким мощеным улочкам средневековых городов было сложно. Требовались сопровождающие, поддерживавшие под руки. Поэтому женщина всегда находилась под зорким наблюдением и ее репутация была вне подозрения. Однако вскоре удобная практика безопасного поведения в общественных местах приобрела характер предписания и «интеракционного порядка»³, т. е. норм взаимодействия женщины с окружающим пространством. Знатная дама уже не имела права появляться на улицах города без сопровождения, а если выходила из дома, то только для светских развлечений и походов по магазинам в компании кого-то из домашних. Ее автономное передвижение вне дома стало нелегитимным. Оказавшись по каким-то причинам одна в публичном пространстве, женщина вынуждена была скрывать свою идентичность — маской в Венеции, вуалью в остальной Европе или чадрой на мусульманском Востоке. К простолюдникам, зарабатывавшим на жизнь физическим трудом, такие требования не предъявлялись. Даже в более поздний период модернизации это явление не изжило себя. В таком модернизированном городе, как бразильский Буэнос-Айрес, женщине из приличной семьи не полагалось появляться за пределами дома одной, а если она на это отваживалась, то непременно сталкивалась с недоброжелательными взглядами и даже освистыванием⁴.

Менее экзотической формой социального контроля физической мобильности элитных женщин был покрой одежды и аксессуары. Считается, что одежда не только предопределяет идеологию, согласно которой женщины и мужчины принадлежат к разным сферам существования в силу различия их телесных форм, но в буквальном смысле ограничивает физическую свободу женщин⁵. Традиционно узкие платья китайянок сковывали

их движения и затрудняли передвижение. У европейских женщин ту же рестриктивную функцию выполняли тяжелые корсеты из стали и китового уса, громоздкие кринолины, огромные шляпы с широкими полями, нагромождением перьев и других украшений. И хотя многие современники воспринимали корсеты как орудие пытки и видели в них причину многих женских болезней, мода держалась до XX в.⁶

Специалисты утверждают, что одежда конструирует культурный идеал пассивности и декоративности женщины⁷. Этой цели служили тоненькие («осиные») талии и округлые силуэты женской одежды викторианской моды, зажавшей руку женщины в такие узкие, обтягивающие рукава, что резкие жесты в них были практически невозможны. В таком неудобном облачении минимальная подвижность была самым разумным способом поведения для дам. А если на их головах размещались вошедшие в моду во Франции при дворе Марии-Антуанетты композиции из птиц, статуй, кораблей и даже мини-садов с искусственными деревьями, иногда доходившие до метра в высоту, то передвижение их обладательниц становилось и вовсе невозможным⁸.

Эти и подобные приспособления лишали особу женского пола возможности самостоятельного передвижения за пределами домашней сферы и фактически служили цели ее «одомашнивания», т. е. ограничения жизненного пространства приватной сферой. Гипертрофированной формой этой тенденции стало затворничество женщин, принудительно удерживаемых на женской территории дома. Покидать его они могли только с разрешения отца или мужа. Эта «крепость-тюрьма» становилась микрокосмом женщины, оберегающим ее не только от превратностей внешнего мира, но и от постороннего мужского взгляда. Так, уделом знатной флорентийки эпохи Возрождения было взирать на мир через узкий раствор окна своей комнаты⁹, а оттоманской турчанки — изучать его сквозь кружевные занавески окон гарема¹⁰. Затворницы богатых теремов были характерным явлением среди славянской знати допетровской Руси¹¹. «Пурда» как принудительное затворничество и метод пространственной эксклюзии женщин широко прак-

⁶ *Стул В.* Корсет / Пер. с англ. М. Маликовой. М., 2010.

⁷ См.: *Bates Ū. Ū. et al.* Op. cit.

⁸ См.: *Кубалова Л., Гербенова О., Ламарова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1988.

⁹ *Weddle S.* Women's place in the family and the convent: A consideration of public and private in Renaissance Florence // *Journal of Architectural Education*. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 64–72.

¹⁰ *Ūnsal Gülmez N.* From «Inside» to «Outside»; from «Clan» to «City» // *Kadin/Woman*. 2008, Vol. 6. No. 1. P. 29–47.

¹¹ *Морозова Л. Е.* Великие и неизвестные женщины древней Руси. М., 2008.

³ *Goffman E.* Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. The Free Press, 1963.

⁴ *John M.* The Antinomies of Ruling Class Culture: The Buenos Aires Elite, 1880–1910 // *Journal of Historical Sociology*. 1993. № 6. V. 1. P. 85–88.

⁵ См.: *Bates Ū. Ū. et al.* Op. cit.

тиковалась аристократией Индии, Персии, Византии и некоторых мусульманских стран¹².

Однако вынудить женскую половину общества подвергать себя физическим ограничениям по доброй воле было непросто. Поэтому формы общественного контроля принимали характер престижа, оптимальной нормы поведения в определенной социальной группе, а также идеала женственности или мужественности, т. е. «моды», неукоснительное следование которой давало пропуск в элитные слои данного сословия.

Трансформация границ приватного и публичного: социальная мобильность и борьба женщин за доступ к высшему образованию. Индустриализация второй половины XIX в. дает импульс не только техническим инновациям, но и социальной истории женщин. Это был этап активного гендерного конструирования и выхода женщин на публичную арену. Процесс их интеграции в сферу общественной деятельности был крайне противоречив и труден: будучи следствием разорения помещичьих хозяйств в пореформенной России, он сулил выгоды набирающему силу классу буржуазии, поскольку эксплуатация женской рабочей силы позволяла значительно удешевить капиталистическое производство. В то же время возрастание уровня и качества женского образования, его распространение в разных стратах общества сказались на его гендерной идеологии, способствуя пересмотру отношения к месту и роли женщины.

Конструирование гендерных отношений в Украине основывалось на самопрезентации женщин в публичной сфере, сосредоточиваясь в области социальных реформ. На этом этапе эмансипация женщин еще не могла вызвать существенные трансформации гендерного порядка в обществе, но способствовала возникновению новых стилей поведения, ролей, форм социального взаимодействия и этим повлияла на переформатирование «гендерного контракта»¹³. Процесс освоения публичного пространства сопровождался формированием новых социальных ценностей и норм женского поведения, способствовавших появлению поколения «новых женщин», стремящихся к интеллигентному труду, высшему образованию, публичной и образовательной деятельности¹⁴. Эти «публичные женщины» отвергали незыблемый постулат патриархального общества, утверждавший, что «место женщины — в доме», и отвоёвы-

вали собственное место в публичном пространстве. Начальным этапом экстерниоризации женщин стало движение за доступ к высшему образованию и профессионализации, строившееся на концепции «социального материнства» в трудоустройстве, т. е. перенесения традиционных семейных функций женщины в публичную сферу типично «женской» занятости — в качестве медсестер, воспитательниц, поварих, учительниц¹⁵.

Основные предпосылки интеграции женщин в публичное пространство. Стремительные трансформации периода индустриализации повысили требования государства к уровню образования его граждан, способствуя изменению отношения к образованным женщинам. Основными предпосылками их интеграции в публичное пространство интеллектуальных профессий стали следующие факторы.

Экономические факторы. После отмены крепостного права многие семьи разорившихся помещиков утратили экономические возможности для содержания дочерей. Молодые женщины из разоренных «дворянских гнезд» оказались перед необходимостью самостоятельно добывать средства к существованию. Единственной доступной для этого возможностью, помимо замужества, было участие в рынке труда, требовавшем профессиональной квалификации. Ее у женщин не было, поскольку представительницы среднего класса как правило получали домашнее образование либо обучались в частных институтах и пансионах, где преподавались преимущественно гуманитарные дисциплины. Это значительно сужало выбор возможностей для трудоустройства, ограничивая его профессиями переводчиц, стенографисток, секретарш, школьных учительниц и т. д. Типичным видом занятости для девушки среднего класса была работа гувернанткой в частном имении. Однако расширение государственной системы школьного образования ограничивало возможности найти работу в этой сфере.

Формирование гендерной идентичности молодой женщины того времени строилось на принципах «этики заботы»¹⁶, а ее обобщенный социальный портрет представлял собой юную особу, проявляющую заботу и внимание к потребностям близких, особенно детей, стариков, немощных, больных, домашних питомцев. Это предопределяло спектр профессиональных возможностей, открывавшихся перед ней. Поэтому еще одной возможностью

¹² Minturn L. Sita's Daughters. Coming out of Purdah. The Rajput Women of Khalapur Revisited. Oxford, 1993.

¹³ Смоляр Л. Минуле заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX – поч. XX ст. Сторінки історії. Одеса, 1998.

¹⁴ См.: Грушевський М. Наталія Кобринська // Літературно-науковий вісник. Т. IX. Львів, 1990. С. 3–5.

¹⁵ Ловцова Н. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // Антропология профессий / Ред. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. Саратов, 2005. С. 434–461.

¹⁶ См.: Held V. Ethics of Care: Personal, Political and Global. Oxford, 2007.

найти заработок для девушки среднего класса была медицинская сфера, ставшая доступной для женщин после Крымской войны (1853–1856), когда выдающийся российский хирург и защитник прав женщин на высшее образование Н. И. Пирогов основал Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Несколько позже начала расширяться сеть медицинских учреждений сферы услуг и правительство предоставило женщинам возможность работать в них фельдшерицами, сестрами милосердия, акушерками и аптекарями¹⁷. Однако эти виды деятельности не требовали высокой квалификации и потому не давали ни достаточных средств к существованию, ни возможностей самореализации. Для получения доступа к социально престижной и доходной профессии врача требовалось высшее образование, на которое женщины не имели прав.

Существенное влияние на социальную экстернизацию женщин среднего класса оказали *морально-этические факторы*. Освободительное движение способствовало повышению их самооценки, усиливало стремление к интеллектуальной свободе и поощряло к участию в общественной жизни. Женщины хотели чувствовать себя социально востребованными, экономически независимыми, иметь возможность зарабатывать на жизнь за счет собственных достоинств и способностей. Нередко желание учиться и овладевать специальностью поддерживалось родителями, достаточно прогрессивными, чтобы понять и принять новые социальные роли своих дочерей. Они понимали, что роли супруги и домашней хозяйки уже не были единственными возможностями для успешной реализации женщины в новых социально-экономических условиях и стремились вооружить своих дочерей социальными навыками, необходимыми для преуспевания в обществе. Такие гендерные трансформации межпоколенной преемственности в среде среднего класса были особенностью времени, позволявшей ему сохранять свою социальную организацию и общественный престиж. Эта тенденция не была специфичной для украинского общества, а свидетельствует о его соответствии этическим императивам эпохи, поскольку характеризует капиталистическую формацию в целом. Так, в Новом свете девушка среднего класса должна была соответствовать ожиданиям родителей «приносить пользу обществу»¹⁸.

¹⁷ Жидкова Е. «Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще» (первые русские феминисты и женский вопрос) // Преображение (Русский феминистский журнал). 1997. № 5. С. 88–96.

¹⁸ Matthei J. A. An economic history of women in America // Women's Work, the Sexual Division of Labor, and the Development of Capitalism. New York, 1982. P. 258.

Вопросы женского образования были непосредственно связаны с моральными, этическими и культурными проблемами, стоявшими перед обществом в целом. Существовало убеждение, что поколение образованных матерей сможет дать стране новое поколение образованных детей и будет способствовать распространению просвещения среди всех слоев общества. Дискуссии в обществе лишь свидетельствовали о важности предоставления образования не только женщинам среднего класса, но и всем социальным группам.

Социокультурные и дидактические факторы. В рамках этих дискуссий прогрессивно мыслящей общественностью активно обсуждался вопрос о необходимости формирования нового образа женщины для новой эпохи, поиска новых женских идентичностей и идеалов феминности. Было очевидно, что начинать процесс перестройки следует с раннего возраста. Поэтому на страницах периодических изданий и художественных произведений для детей стали появляться образы «новой девушки и девочки», призванные помочь будущей гражданке сформироваться как личности, соответствующей требованиям времени. Этому способствовала популярная в педагогической мысли того времени идея Ж. Ж. Руссо о том, что ребенка нельзя считать просто маленьким, недоразвившимся взрослым, что детство и юность следует рассматривать как жизненные циклы, имеющие свою собственную социальную ценность для развития и становления человеческой личности. В этом контексте востребованным оказался новый жанр «роман для девочек». Он быстро стал популярным во многих странах мира, поскольку благодаря ему «юная женщина наконец-то обрела собственное место в литературе»¹⁹. Его создатели хорошо понимали роль книги в воспитании ребенка и считали своей задачей создание такого жанра, который дал бы возможность обсуждать с детьми серьезные вопросы девочек в доверительной и занимательной форме. Достоинством произведений этого жанра был уникальный синтез элементов просветительского и воспитательного романа, нравоучительной повести и даже готического романа, но с оглядкой на детскую аудиторию²⁰. Популярными среди детей стали образы независимых, оригинально мыслящих, неординарных девочек, самостоятельно исследовавших сложный новый мир вокруг себя и отваживавшихся бросать ему вызов, отстаивая свою собственную точку зрения и даже споря со

¹⁹ См.: Вестин Б. Детская литература в Швеции. М.; Стокгольм, 1999. С. 20.

²⁰ Шишкова И. А. Развитие жанра «романы для девочек» в литературно-художественном процессе викторианской эпохи и образ «новой девочки» в произведениях Л. Т. Мид // Филологические науки. 2002. № 2. С. 38–45.

взрослыми. Такими были юные героини романов англоязычных писателей Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» (1865), Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» (1868) и Э. Т. Мид «Полли, девочка нового типа» (1889). Эти произведения, явившиеся своего рода «введением в постмодерн для детей»²¹, привлекли внимание к системе межличностных связей девочки-подростка и помогли ей обрести собственную нишу в мире взрослых²². «Маленькая женщина» в романах этого жанра, как правило, отправляется в длительные рискованные прогулки без сопровождения взрослых, осваивая незнакомое пространство вне родного дома. Она хочет «быть сильной, уметь все и жить без ограничений»²³.

Романы для девочек были популярны и среди мальчиков, и даже у взрослых. Читательская публика России и русскоязычной Украины зачитывалась «девчоночьими» романами популярной детской писательницы Л. Чарской. В украиноязычной детской литературе новый типаж самостоятельной девочки представлен хрестоматийным образом Харыти из одноименного рассказа И. Франко. В этот период даже в сказочном мире доминирование мужского начала постепенно стало уступать место гендерному равенству и женской эмансипации. Странствия и приключения больше не являлись привилегией Иванов-царевичей, Ивасиков-Телесиков и Котигорошков. Жизненное кредо «покинуть дом и увидеть мир» перестает быть монополией «храброго малого», ассоциируясь уже и с «храброй малышкой». Начиная с безрассудной лягушки-путешественницы армия сказочных туристов пополняется образами целеустремленных, пытливых и бесстрашных девочек-странниц, выгодно отличавшихся от скромных затворниц à la Рапундель и Мальвина. Пространственной свободой в полной мере пользуются юные героини сказок Г. Х. Андерсена. В «Снежной королеве» преданная Герда отправляется на северный полюс, чтобы спасти Кая от чар Снежной Королевы. Крохотная Дюймовочка преодолевает множество препятствий на сложном пути, чтобы избежать нежеланного замужества. Элли и Энни из сказки «Волшебник страны Оз» (в отечественном варианте — «Волшебник Изумрудного города») в сопровождении верных друзей отправляются в поход по сказочной стране и царству семи подземных коро-

лей. Кэрролловская Алиса смело спускается по кроличьей норе, совершает рискованное путешествие в Страну чудес и Зазеркалье и успешно достигает заветной восьмой горизонтали шахматной доски. Сказочные путешественницы стали появляться на страницах детских книг не случайно: они отражали реалии, свидетельствующие о новом социальном явлении — путешествующих женщинах — пионерах независимой географической мобильности и пространственной коммуникации.

Пространственно-физическая эмансипация женщин: «путь всякой плоти».

Среди новых возможностей, открывшихся перед женщинами благодаря индустриальной революции, завоевание права на мобильность стало их «исключительным достижением»²⁴. Стремление к пространственной эмансипации проявлялось в их увлечении различными новыми видами телесно-двигательных практик, физкультурой и спортом. Этому способствовало то, что во второй половине XIX в. среди общественных развлечений горожан главное место занял спорт. Широкое распространение получили прогулки на велосипедах, теннис, катание на санях, лыжах, коньках. Особую популярность приобрело плавание²⁵. История включения женщин в спортивную активность демонстрирует тяжелую и затяжную борьбу с гендерными предрассудками, когда особую остроту приобретали дискуссии об их интеллектуальной и биологической несостоятельности и неприемлемости нового, «маскулинного» образа женщины-спортсменки. Миф об ограниченных возможностях «слабого пола» и традиционные представления о феминности значительно затрудняли достижение гендерного равенства в сфере физической и спортивной активности²⁶. Движение за телесно-физическую эмансипацию выразилось в стремлении женщин осваивать новые виды спорта, например легкую атлетику и бокс. Тем самым они демонстрировали свое социальное равноправие с мужчинами и биологическую полноценность. Доказывая право и способность заниматься различными видами спортивной деятельности, спортсменки, однако, встречали непонимание как со стороны большинства неспортивных сограждан, так и со стороны основателей современного олимпийского движения²⁷.

²¹ Разумовский Д. А. Теология в эпоху постмодерна, или Постмодерн в эпоху теологии // Научный богословский портал, 2008. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/361826.html> (дата обращения 20.04.2012).

²² Шишкова И. А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков (конец XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра филол. наук, М., 2003.

²³ Славова М. Т. Игра и игровое начало в беллетристике для детей // Проблемы детской литературы. СПб., 1987. С. 50–57.

²⁴ Braidotti R. Op. cit.

²⁵ Колесникова Т. Европейская повседневная культура 19 века // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. 2010. Вып. 17. № 2. URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/212-article_24.html

²⁶ Истягина-Елисеева Е. А. Женская эмансипация как фактор развития международного физкультурного спортивного движения 1860–1920 гг. // Теория и практика развития физической культуры. 2000. № 6. С. 9–12.

²⁷ Мяжкова С. Н., Истягина-Елисеева Е. А. Развитие жен-

Таким образом, пространственно-физическая эмансипация женщин была сопряжена с необходимостью сопротивления традиционным формам юридического и социального подчинения, нередко преломляясь в «процесс преодоления барьеров “общепринятой морали”»²⁸. Одной из форм проявления этого тренда стало новомодное увлечение женщин так называемой «пространственной коммуникацией», или независимым туризмом. Этому способствовало расширение в результате научно-технического прогресса сети железных дорог и туристического бизнеса, совпавшее с первой волной женского движения и с появлением «женщины нового типа». Подобный способ реализации права на свободу передвижения был вызовом общественному мнению, не поощрявшему стремления женщин к пространственной независимости, особенно в публичном пространстве. Тенденция совершать самостоятельно длительные путешествия и отражать дорожные впечатления в мемуарах означала радикальную трансформацию в социальном положении женщин и свидетельствовала о достижении ими личной самодостаточности. В этот период на общественную сцену выходит плеяда женщин-путешественниц, среди которых российские исследовательницы Центральной Азии Александра Викторовна Потанина (1843–1893) и Ольга Александровна Федченко (1845–1921), известная также как выдающийся ботаник, участницы экспедиции на Памир в 1898 г. Юлия Головина и Надежда Бертенева. Среди них была и уроженка украинского Екатеринослава (ныне Днепрпетровск), популярный религиозный философ XIX в. Елена Петровна Блаватская (1831–1891), осуществившая трехкратное кругосветное путешествие. Ее книгу странствий «Из пещер и дебрей Индостана» по достоинству оценили читатели.

Пространственная и географическая мобильность женщин: борьба с патриархальными семейными устоями. Повышение образовательного уровня женщин, как правило, оказывает влияние на их семейные роли: чем выше уровень образования женщины, тем выше вероятность, что безбрачие и работу она предпочтет семье или будет сочетать семейную жизнь и материнство с карьерой и вряд ли будет поддерживать отношения с семьей, придерживающейся патриар-

хального распределения ролей²⁹. По этой причине проблемы неудачных браков, нежелательного и принудительного замужества стали центральными вопросами социальных трансформаций второй половины XIX в., повлекшими за собой изменения в отношении общества к проблеме развода и институту брака вообще. Нежелание государства предоставить женщинам право на элитарное образование было не единственным препятствием для их эмансипации. Чаше всего преграды создавала семья. Экономическая зависимость от родителей, а затем от супруга, устаревшие законы наследования, консервативные традиции толкали женскую молодежь на поиски самореализации за пределами дома и семьи. Знаменем времени стали «конфликты поколений», мастерски представленные И. С. Тургеневым в «Отцах и детях». Особенно острым было противостояние между родителями и дочерьми. Выдающаяся математик XIX в. Софья Ковалевская отмечала, что идеологические разногласия между поколениями в семьях городского среднего класса были типичным явлением того времени и часто приводили к тому, что дети уходили от родителей, а родители отказывались от своих дочерей и сыновей³⁰. Эта «пандемия» побегов молодежи из отчего дома распространялась среди девушек даже быстрее, чем среди юношей, хотя им приходилось рисковать гораздо больше, поскольку женщина, проявившая независимость от родителей или мужа, подвергалась осуждению и стигматизации, считалась аморальной «нигилисткой». В 1860-х гг. побег из семьи требовал от молодой аристократки немалого мужества, отважиться на него могли только самые смелые и сильные духом. Однако уже десятилетие спустя этим путем следовали многие юные особы, не желавшие повторять судьбу своих матерей, чьим уделом были дом и семья. Еще более драматичной была доля замужних и помолвленных женщин, не желавших зависеть от мужей или вступать в брак по принуждению. Зависимость от супруга и ограничение свободы передвижения усугублялись отсутствием у них паспортов. Кроме того, чтобы иметь возможность уехать из дома, поступить в университет или устроиться на работу, женщина обязана была получить разрешение от родителей или супруга. В таких условиях единственным способом противостоять давлению семьи и избежать нежелательного замужества был фиктивный брак. Хотя этот поступок был связан с этическим компромиссом, он открывал возможности для обретения личной свободы, творческой

ского спорта в России на рубеже XIX–XX столетий // Физическая культура и спорт — проблемы, задачи и решения: Мат-лы научн. трудов. Воронеж, 1998. С. 136–142.

²⁸ Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing Model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 549.

²⁹ Richmond-Abbot M. The American Woman: Her Past, Her Present, Her Future. New York, 1979.

³⁰ Ковалевская С. Воспоминания детства. М.: Просвещение, 1974. С. 57.

реализации, профессиональной карьеры и финансовой независимости. Фиктивный брак был рискованным предприятием для обоих партнеров, но для женщины в особенности, поскольку семейные узы накладывали на нее строгие обязательства перед супругом, семьей, родом и светским обществом. Как правило, бракосочетание осуществлялось не только на основании процедуры гражданской регистрации, но и требовало освящения церковным обрядом, накладывавшим на партнеров обоюдные моральные и духовные обязательства. Расторгнуть семейный союз, освященный Богом, было крайне сложно как с юридической, так и с этической точек зрения. К тому же это было хлопотное и дорогостоящее мероприятие. Многие женщины, однако, решались на него, несмотря на предполагаемую зависимость от фиктивного супруга: для них это был шанс избежать чрезмерного контроля со стороны родительской семьи, самостоятельно сделать выбор жизненного пути и получить доступ к миру познания и творчества. Фиктивный брак позволил многим талантливым женщинам не только получить прекрасное университетское образование, но и сделать серьезный вклад в мировую науку и даже завоевать международное признание. Так получила доступ к научной карьере С. Ковалевская, семья которой происходила из Полтавской губернии. Фиктивный брак позволил ей получить высшее образование и степень доктора наук в Германии, а затем должность профессора в Стокгольмском университете. В 1889 г. она стала первой женщиной, удостоенной звания почетного члена Французской академии наук. Однако, несмотря на свои научные достижения и признание за рубежом, у себя на родине Ковалевская так и не смогла найти применения своим познаниям и получить признание соотечественников.

Изменения брачного законодательства, повлиявшие на гендерный порядок в обществе, произошли в начале XX в. Законом 1914 г. разрешалось отдельное проживание в браке, а женщина получила право обзаводиться векселями, поступать на государственную службу без согласия мужчины, получать отдельный вид на жительство, поступать на учебу в университет³¹. Под влиянием новых социально-экономических условий происходила демократизация образа жизни украинской женщины среднего класса, ее этики, взглядов и культуры. Благодаря им в начале XX в. она уже «познала вкус добрачной свободы»³², и этот опыт повлиял как на

ее отношение к себе самой, так и на ее новые роли в семье и обществе.

Академическая миграция и ее роль в эмансипации украинских женщин: «докторская мантия в кухонном шкафу». В 1861 г. под давлением женских организаций университеты крупных академических центров Украины открыли свои двери для женщин. Первым из них стал столичный университет Св. Владимира³³. Затем его примеру последовали другие вузы, и студентки воспользовались этой возможностью в полной мере: на лекциях лучших профессоров девушек зачастую собиралось больше, чем юношей³⁴. Однако вскоре царское правительство усмотрело опасность в возможности «радикализации» женщин в университетских стенах. Воспользовавшись студенческими волнениями, оно отказало им в праве на высшее образование. Новый университетский статут от 18 июня 1863 г. запретил принимать женщин на учебу. Несмотря на многочисленные протесты, запрет оставался в силе до 1905 г. Опыт первых лет обучения высшим наукам, однако, не прошел даром. Политика правительства, направленная на ограничение образовательных устремлений женщин, не могла убить в них жажду познания. Для женской молодежи, изведавшей вкус интеллектуальной свободы, она стала не просто данью моде, а жизненной необходимостью. Не имея возможности продолжать обучение дома, девушки массово уезжали на учебу за границу. Выбор университетов во многом определялся лингвокультурными и образовательными факторами. Представители городской знати России и Украины хорошо владели французским языком как «lingua franca» того времени, немецкий язык был также популярен, а вот английский распространения не имел. Поэтому первая «волна» женской академической миграции была направлена во франкоязычные университеты: в Парижскую Сорбонну, в Цюрихский и Бернский университеты в Швейцарии³⁵. Хотя в Париже женщины были допущены в университеты еще в 1863 г., украинские и российские студентки предпочитали Швейцарию, привлекавшую их своими либеральными порядками. Университеты Цюриха и Берна, начавшие зачисление студенток в 1867 г.³⁶, стали настоящей Меккой для студенток из правобережной Украи-

³¹ См.: Вільшанська О. П. Мода у повсякденному житті міського населення України кінця XIX – початку XX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Вип. XIV. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2007. С. 309–322.

³² Banner L. The American Woman from 1900 to the First World War: A Profile // Women's Lives: Perspectives on Progress and Change / Eds. Lussier V. L., Walstedt Y. J. Newark, 1977. P. 97–98.

³³ Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських вищих жіночих курсів. Київ, 2007.

³⁴ См.: Смоляр Л. Указ. соч.

³⁵ Tolstokorova A. Women's Professionalization as an Entrance into the Public Space in Ukraine: A Historical Retrospective // World History Bulletin / Ed. H. Micheal Tarver. 2010. Vol. XXVI. No 1. P. 59–65.

³⁶ Vögel L. M. Education – Science – Research // Great Achievements, Small Changes: On the situation of Women in Switzerland. Report by the Federal Commission for the Women's Issues. Bern, 1995.

ны³⁷. Примечательно, что Швейцария, будучи пионером женского высшего образования, возможность поступления в университеты предоставляла исключительно иностранкам; швейцарские женщины получили ее значительно позже. Первыми студентками Цюрихского университета стали женщины из европейской части России³⁸, позже к ним присоединились польки³⁹. По этой причине швейцарские университеты вскоре получили репутацию «славянских школ для девочек»⁴⁰.

Возрастающее количество женщин, уезжавших на учебу в Цюрих, обеспокоило царское правительство, поскольку город считался центром социалистической пропаганды среди иммигрантской молодежи, где студентки не только овладевали науками, но впитывали дух европейского вольнолюбия. Было принято решение о создании правительственной комиссии для изучения гендерного состава студенческой общины города. Согласно ее данным, с 1869 по 1873 г. в Цюрихе обучалось 103 студентки из России⁴¹. По другим данным, между 1860 и 1900 г. из общего количества 1200 иностранных студенток университета более 700 происходили из разных регионов Российской империи⁴². Выдающийся украинский мыслитель и общественный деятель М. Драгоманов, работавший в Цюрихе в тот период, отмечал, что 2/3 студенток университета были украинского происхождения. Его современница украинская писательница О. Пчилка подтверждала эти данные статистикой 1860-х гг., свидетельствующей о том, что в западноевропейских университетах украинских студенток было даже больше, чем русских. Большинство из них обучались медицине в Цюрихе. Пчилка отмечала, что украинские и русские студентки пользовались прекрасной репутацией у европейских профессоров, считавших их более способными и трудолюбивыми, чем их соотечественники-мужчины. По результатам работы правительственной комиссии российское правительство в 1873 г. запретило студенткам обучаться в «рассаднике революции» Цюрихе, и они были вынуждены переместиться в Бернский университет⁴³.

В Скандинавии доступ к высшему образованию был предоставлен женщинам в 1870–1880 гг., и

некоторые украинки уехали учиться в Хельсинки и Стокгольм, но из-за языкового барьера их было немного. В 1890-е гг. двери университетов открылись для женщин в Германии и Австрии⁴⁴, и поток женской академической миграции переместился в Вену, Берлин, Гейдельберг. В 1890-е гг. началась вторая волна женской академической миграции в Швейцарию, вызванная закрытием женских университетов в крупных городах Украины. Когда через несколько лет они снова открылись, возможности поступления в них были существенно ограничены и студенткам ничего не оставалось, как снова ехать на учебу за рубеж.

Европейское высшее образование получили многие выдающиеся украинские женщины, которые по возвращению на родину внесли существенный вклад в социальные и демократические реформы в Украине. Первые женщины-врачи приобрели профессию в Швейцарии. Среди них была София Дмитриева, изучавшая медицину в Цюрихе и получившая медицинскую степень в Париже. Серафима Шахова, уроженка Ектеринослава, после обучения в Цюрихе и Берне работала врачом в Харькове и была первой женщиной, получившей официальное разрешение на медицинскую практику в Украине. Одесситка Мария Валицкая после обучения в Цюрихе завершила образование в Петербурге и в 1884 г. была награждена ученой степенью в области медицины. Харьковчанка Мария Иванова-Раевская (1840–1912), художница и педагог, получила высшее художественное образование в Дрездене и стала первой женщиной Российской империи, получившей степень искусствоведа. По возвращению в Харьков она основала художественную школу, позже реорганизованную в художественное училище, и стала автором ряда книг по искусству для детей, внесших значительный вклад в становление художественного образования на Слобожанщине. В Харькове родилась и Кристина Алчевская (1882–1932) — литературный деятель (поэтесса, прозаик, драматург, публицист), переводчица и педагог, получившая педагогическое образование на учительских курсах в Париже. Анна Чикаленко-Келлер (1884–1964), родом из Херсонщины, журналистка, переводчица и библиограф, обучалась в Лозанне, Женеве и Эдинбурге. В 1931 г. она занималась научной работой в университетской библиотеке Тюбингена в Германии, а в 1918–1920 гг. с дипломатической миссией пребывала в Швейцарии. Участница многих женских конгрессов, она своей деятельностью во многом способствовала пропаганде украинского женского

³⁷ Жидкова Е. Указ. соч. С. 89.

³⁸ Brander S. Higher Education (Universities) // Great Achievement — Small Changes. On the Situation of Women in Switzerland. Report by the Federal Commission for the Women's Issues. Berne, 1995. P. 106–109.

³⁹ Suchmiel J. Op. cit.

⁴⁰ Кайтмазова Н. В мире закрытых дверей // Обучение за рубежом. 2000. Т. 2. № 14. URL: <http://www.otdyh.ru/show/article.php?id=6510>

⁴¹ Смоляр Л. Указ. соч.

⁴² Porter C. Donne in rivolta nella Russia zarista. Milano, 1977.

⁴³ Кайтмазова Н. Указ. соч.

⁴⁴ Poulsen Ch. Austria's System of Education. Training Paper. Women in European Universities Research and Training Network, 2001.

движения. Наталья Кобринская-Озаркевич (1855–1920), получившая высшее образование в Венском университете, стояла у истоков женского движения в Украине и была инициатором первой украинской женской организации. Совместно с О. Пчилкой она стала соучредительницей альманаха женской литературы «Первый венок», заложившего основы периодики, которую писали, редактировали и издавали исключительно женщины.

Влияние пространственной свободы и географической мобильности на гендерную идентичность украинских женщин: новое платье королевы. Обретение пространственной свободы и доступа к высшему образованию сказало на мировоззрении и взглядах молодой женщины, изменило ее восприятие самой себя, собственного места и роли в семье и обществе. Она ощутила в себе силы быть не только женой и матерью, но и гражданкой. В то время передовая интеллигенция разделяла взгляды Руссо на образование женщины как на условие добросовестного служения мужчине. Материнство рассматривалось как форма женского политического участия, а образованность матерей считалась их «почетным долгом»⁴⁵. Основные социальные проблемы времени особенно отчетливо проявились во время Крымской войны 1853–1856 гг. Общество вдруг осознало, «что вся суть современных проблем заключается в образовании матери. Мать сама должна была стать другой, чтобы готовить своего ребенка к новым условиям жизни, новым условиям социализации, подготовить его к тому, чтобы оптимально вписаться в них»⁴⁶. В 1850-е гг. значительно возрастает издание книг и журналов, посвященных «женскому вопросу». На нем была сосредоточена медицинская мысль, уделявшая пристальное внимание проблемам дефиниции и классификации женской репродукции и рассматривавшая материнство как главное предназначение женщины. В обществе обсуждались вопросы права женщины на развод и свободу выбора брачного партнера, проблемы планирования семьи и рождаемости, репродуктивной свободы и применения средств контрацепции, новых аспектов материнства и ухода за детьми. Концептуализация нюансов «добровольного материнства», беременности, деторождения, грудного вскармливания и ухода за новорожденными стала предметом горячих дискуссий. Этому способствовало увеличение количества женщин-врачей, особенно гинекологов, получивших образование в Западной Европе⁴⁷. Но-

⁴⁵ *Offen K.* European Feminisms, 1700–1950. A Political History. Stanford, 2000.

⁴⁶ *Пономарева В., Хорошилова Л.* Русское женское образование в начале XIX века: приобретения и потери // Мир истории: женский взгляд. 2000. № 6. С. 22–48.

⁴⁷ *Suchmiel J.* Op. cit.

вые акценты в обсуждении вопросов материнства исходили из концепции «колонизации женского тела в целях домашней жизни»⁴⁸. Медицинская, клерикальная и педагогическая литература представляла кормление грудью как главное нравственное достоинство женщины — как то, что хорошо и для нее, и для здоровья ее детей, и для всего общества. Мода на вскармливание грудным молоком поддерживалась новыми акцентами в общественном дискурсе и в палитре визуальных образов, включавших изображение материнской груди как «фонтана физической и моральной энергии»⁴⁹.

Однако сами образованные женщины уже не могли мириться с тем, что их роли ограничиваются супружеством и материнством, а социальное пространство — приватной сферой семьи и брака. В этот период они становятся более экстерииризованными и социально активными. Все больше женщин не желали вступать в брак и создавать семью, чтобы посвятить себя творческой профессии и получить финансовую независимость. Это означало больше, чем изменение статуса женщины среднего класса, требовало кардинальной трансформации уклада жизни всего общества. Изменение гендерного сознания женщины не могло не сказаться на гендерных перцепциях и стандартах мужчин. Одним из следствий стало возникновение «кающегося мужчины», готового пересмотреть патриархальные взгляды на женщину и гендерные отношения⁵⁰. В таком контексте становится понятным то, что революционную деятельность декабристов современники связывали с образованностью их матерей⁵¹.

Во второй половине XIX в. женщины, отстаивающие свои гражданские права, создавали новый образ — «бизнес-леди», т. е. образованной, независимой, самодостаточной особы. Одежда для них стала орудием эмансипации, а свобода в ее выборе была равносильна свободе выбора образа и стиля жизни. К концу XIX в. в индустриальных странах набирает силу «движение за реформу женской одежды», стремившееся обеспечить женщине пространственную и кинетическую свободу посредством отказа от тяжелых, громоздких одеяний, ограничивающих движения, прежде всего корсетов⁵². В Англии и США пользовалось популярностью «Общество рациональной

⁴⁸ *Perry R.* Colonizing the Beast: Sexuality and Maternity in Eighteenth-century England // Journal of the History of Sexuality/ 1991. Vol. 2. No. 2. P. 204–234.

⁴⁹ *Caine B., Sluga G.* Gendering European History: 1780–1921. London; New York, 2000. P. 39.

⁵⁰ *Смоляр Л.* Указ. соч.

⁵¹ *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2008.

⁵² *Roberts H. E.* The Exquisite Slave: The Role of Clothes in the Making of the Victorian Woman // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. No. 3. P. 554–569.

одежды», боровшееся за освобождение женщин от неудобного облачения, воспринимаемого как символ порабощения женского ума⁵³. Цели реформы нашли поддержку среди украинских студенток, хотя так называемый «блумеровский костюм», популярный у западных «эмансипе», не получил распространения среди православной молодежи, поскольку его основной атрибут, шаровары, воспринимались как признак мусульманской идентичности, чуждой христианским традициям. Поэтому женщины в панталонах не были частым явлением на улицах университетских городов Украины. Тем не менее, брюки начали завоевывать популярность, поскольку женская одежда в погоне за практичностью максимально приближалась к мужской. Некогда женщины в брюках подвергались пыткам инквизиции и сжигались на кострах; во второй половине XIX в. к таким дамам относились более лояльно, но в общественные места еще не пускали. Одной из причин популярности брюк стало распространение велосипедного спорта среди горожанок среднего класса. Новое увлечение заставило их покончить с отжившей модой, превращавшей в пытку даже такое невинное развлечение, как велосипедная прогулка по парку. Громоздкие одеяния мешали держаться в седле и управлять ездой, а полы длинных платьев попадали в спицы. Поэтому поначалу среди велосипедистов женщин практически не было. Когда же велосипеды заполнили улицы, женщины перестали оставаться безучастными зрителями, надели брюки и сели на велосипед. Позволить себе такое могли только дамы высшего света. Работницам еще долго было не до того. Только когда велосипед стал рабочей необходимостью (например для разносчиц писем, молока или белья из прачечных), работницы тоже надели брюки и вопреки мужскому негодованию отвоевали свободу передвижения.

Таким образом, с изменением социальных функций и телесных практик женщин в конце XIX в. в дамский костюм проникает стиль модерн. Деловая внешность женщин, которые могли позволить себе работать, путешествовать и заниматься спортом, предусматривала соответствующую удобную одежду. Пересмотр общественных взглядов на роль женщины и идеалы феминности привел к отказу от подчеркнута женского силуэта. Именно тогда в дамском гардеробе появился «костюм-тальер» (от франц. *tailleur* — «костюм, скроенный портным»), давший начало новому стилю одежды работающей женщины. Он состоял из жакета и юбки и кроился из практичных тканей темных тонов: сукна, шерсти и драпа для зимы или парусины, хлопка и шелкового полотна для лета⁵⁴. Журнал мод писал

⁵³ Bates et al. Op. cit.

⁵⁴ Андреева Р. Энциклопедия моды. СПб., 1997.

о нем: «Уродливость современной моды — бесспорна. Жалкие узкие костюмы-тайлер, темные, скромные, стесняют, спутывают ноги»⁵⁵. Тем не менее, вскоре он стал неотъемлемой частью гардероба работающей горожанки. Несколько позже получил распространение его упрощенный вариант: комплект из темной юбки и закрытой белой блузки. Так одевались учительницы, секретарши, стенографистки, владелицы швейных ателье или кондитерских. Осваивая публичное пространство, в конце XIX в. образованные женщины среднего класса подвергли гендерной адаптации тренд, известный в истории моды как «великий отказ мужчин»⁵⁶, когда цвет служил орудием гендерной дифференциации, четко отделяя «светлых» женщин (подобно ангелам облаченных в белые одежды) от «темных» мужчин, враждавших в большом «нечистом» мире и одетых в черные официальные костюмы. Когда строгий костюм стал частью гардероба образованной женщины, цвет утратил статус маркера пола делового человека. В этот период красота уже не «требовала жертв», а сама становилась жертвой, приносимой во имя удобства и физической свободы. Лишенная привычной эстетики одежда студенток и курсисток была формой демонстрации их общественных взглядов и социальных предпочтений, выражением принадлежности к определенной социальной группе, т. е. способом позиционирования себя как новой силы общества.

«Социальная репутация» классической украинской «институтки», т. е. студентки последней трети XIX в., соответствовала обобщенному образу европейской образованной женщины того времени, предполагавшему нонконформистские взгляды, экстравагантное поведение и нередко — вызывающе грубые мужские манеры⁵⁷. Она изображалась как «нигилистка»: коротко остриженная мужеподобная особа, некрасивая и неопрятно одетая, с резкими движениями, очками на носу и сигаретой в зубах. Современники отзывались о ней так: «По наружному виду какой-то гермафродит, по нутру — подлинная дочь Каина»⁵⁸. Женская красота была «упадочная», болезненная, утверждающая андрогинный, бисексуальный тип, однако для женщин она означала «истинную свободу»⁵⁹.

⁵⁵ Вильшанська О. П. Указ. соч.

⁵⁶ Харви Дж. Люди в черном / Пер. с англ. Е. Ляминой, Я. Токаревой, Е. Кардаш. М., 2010.

⁵⁷ Daskalova K. Bulgarian Women's Movement // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 415.

⁵⁸ Жидкова Е. Указ. соч. С. 90.

⁵⁹ Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Русское женское образование в начале XIX века.

Переосмысление стандарта феминности и его воплощение в образе эмансипированной женщины не всегда воспринималось доброжелательно патриархальным обществом, обеспокоенным распространением идей свободной любви, отрицанием православных семейных ценностей, дерзким мышлением, не считавшимся с авторитетом церкви и моральных традиций. «Женский вопрос» воспринимался не как отдельная проблема, а как проявление социальных болезней общества⁶⁰. Упорное неприятие женской эмансипации значительной частью интеллигенции толкало молодых девушек на эпатажное поведение, иногда повергавшее в шок публику среднего класса. Хотя «институтки» были немногочисленны, само их присутствие в публичном пространстве свидетельствовало о том, что образованная женщина обрела в нем status quo, став полноправной гражданкой

с собственными социальными, интеллектуальными, эстетическими и духовными ценностями.

Таким образом, очевидно, что гендерные трансформации затронули способы социальной организации и базовые социальные институты, обусловив и кардинальные изменения женской идентичности. В русле этих общемировых тенденций трансформировался телесно-физический имидж женщины и изменилась философия ее пространственного поведения. Освоение общественной сферы способствовало формированию новых социальных ценностей поколения «новых женщин», стремившихся к пространственной и интеллектуальной эмансипации как условиям экономической независимости. Мода, используемая «как постоянное и с позиций разума недостаточно объяснимое стремление к изменению всех форм проявления культуры»⁶¹, занимала в этом процессе заметное место.

Список литературы:

1. Андреева Р. Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997.
2. Вестин Б. Детская литература в Швеции. М.; Стокгольм, 1999.
3. Вільшанська О. П. Мода у повсякденному житті міського населення України кінця XIX – початку XX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Вип. XIV. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2007. С. 309–322.
4. Грушевський М. Наталія Кобринська // Літературно-науковий вісник. Т. IX. Львів, 1990. С. 3–5.
5. Жидкова Е. «Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще» (первые русские феминисты и женский вопрос) // Преображение. 1997. № 5. С. 88–96.
6. Истягина-Елисеєва Е. А. Женская эмансипация как фактор развития международного физкультурного спортивного движения 1860–1920 гг. // Теория и практика развития физической культуры. 2000. № 6. С. 9–12.
7. Кайтмазова Н. В мире закрытых дверей // Обучение за рубежом. 2000. Т. 2. № 14. URL: <http://www.otdyh.ru/show/article.php?id=6510> (дата обращения 20.04.2012).
8. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1988.
9. Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських вищих жіночих курсів. Київ, 2007.
10. Ковалевская С. Воспоминания детства. М.: Просвещение, 1974.
11. Колесникова Т. Европейская повседневная культура 19 века // Аналитика культурологии: Электронное научное издание. № 2. Вып. 17. 2010. URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/212-article_24.html (дата обращения 20.04.2012).
12. Ловцова Н. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 434–461.
13. Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины древней Руси. М.: АСТ: Астрель; Харвест, 2009.
14. Мягкова С. Н., Истягина-Елисеєва Е. А. Развитие женского спорта в России на рубеже XIX–XX столетий // Физическая культура и спорт — проблемы, задачи и решения: Материалы науч. трудов. Воронеж, 1998. С. 136–142.
15. Пономарева В., Хорошилова Л. Русское женское образование в начале XIX века: приобретения и потери // Мир истории: женский взгляд. 2000. № 6. С. 22–48.
16. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М.: Русское слово, 2008.
17. Пушкарева Н. Дерзкие и вдохновенные // Отечественная история. 2002. № 6. С. 42–51.
18. Разумовский Д. А. Теология в эпоху постмодерна, или Постмодерн в эпоху теологии // Научный богословский портал, 2008. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/361826.html> (дата обращения 20.04.2012).
19. Стил В. Корсет. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
20. Славова М. Т. Игра и игровое начало в беллетристике для детей // Проблемы детской литературы. СПб., 1987. С. 50–57.

⁶⁰ Пушкарева Н. Дерзкие и вдохновенные // Отечественная история. 2002. № 6. С. 42–51.

⁶¹ Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Указ. соч. С. 11.

21. Смоляр Л. Минуте заради майбутнього. Жіночий рух надніпрянської України II пол. XIX – поч. XX ст. Сторінки історії. Одеса: Астропринт, 1998.
22. Харви Дж. Люди в черном. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
23. Шишкова И. А. Развитие жанра «романы для девочек» в литературно-художественном процессе викторианской эпохи и образ «новой девочки» в произведениях Л. Т. Мид // Филологические науки. 2002. № 2. С. 38–45.
24. Шишкова И. А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков (Конец XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. Специальность 10.01.03. М., 2003.
25. Banner L. The American Woman from 1900 to the First World War: A Profile // Women's Lives: Perspectives on Progress and Change / Eds. V. L. Lussier, Y. J. Walstedt. Newark, 1977. P. 97–98.
26. Bates Ü. Ü. et al. Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies. New York; Oxford, 1983. P. 198–199.
27. Braidotti R. Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory. New York, 1994. URL: <http://www.archive.org/stream/viaggiodamilano01amorgoog#page/n10/mode/2up> (accessed 20.04.2012).
28. Brander S. Higher Education (Universities) // Great Achievement – small changes. On the situation of women in Switzerland. Berne: Federal Commission for the Women's Issues, 1995. P. 106–109.
29. Caine B., Sluga G. Gendering European History: 1780–1921. London; New York, 2000.
30. Daskalova K. Bulgarian Women's Movement. // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 413–437.
31. Held V. Ethics of Care: Personal, Political and Global. Oxford, 2007.
32. John M. The Antinomies of Ruling Class Culture: The Buenos Aires Elite, 1880–1910 // Journal of Historical Sociology. 1993. № 6. V. 1. P. 85–88.
33. Minturn L. Sita's Daughters. Coming out of Purdah. The Rajput Women of Khalapur Revisited. Oxford, 1993.
34. Ünsal Gülmez N. From "Inside" to "Outside"; from "Clan" to "City" // Kadın/Woman 2000. Vol. 6. No. 1. 2008. P. 29–47.
35. Offen K. European feminisms, 1700–1950. A Political History. Stanford, 2000.
36. Poulsen Ch. Austria's System of Education. Training Paper. Women in European Universities Research and Training Network, 2001.
37. Richmond-Abbot M. The American Woman: Her Past, Her Present, Her Future. New York, 1979.
38. Roberts H. E. The Exquisite Slave: The Role of Clothes in the Making of the Victorian Woman // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. № 3. P. 554–569.
39. Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing Model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 541–557.
40. Tolstokorova A. Women's Professionalization as an Entrance into the Public Space in Ukraine: A Historical Retrospective // World History Bulletin. 2010. Vol. XXVI. № 1. P. 59–65.
41. Vögeli L. M. Education – Science – Research // Great Achievements, Small Changes: On the Situation of Women in Switzerland. Report by the Federal Commission for the Women's Issues. Berne, 1995. P. 101–112.
42. Weddle S. Women's Place in the Family and the Convent: A Consideration of Public and Private in Renaissance Florence // Journal of Architectural Education. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 64–72.

References (transliteration):

1. Andreeva R. Enciklopedia mody. SPb.: Litera, 1997.
2. Vestin B. Detskaya literature v Shvecii. M.; Stockholm, 1999.
3. Vil'shanska O. P. Moda u povsyakdennomu zhytti mis'kogo naselennya Ukraïny kincya XIX – pochatku XX st. // Problemy istorii Ukraïny XIX – pochatku XX st. Vyp. XIV. Kyiv: Instytut istorii NAN Ukraïny, 2007. S. 309–322.
4. Grushevski M., Natalija Kobrynska // Literaturno-naukovy visnyk. T. IX. Lviv, 1990. S. 3–5.
5. Zhidkova E. «Svoju lichnuju dramu ona obobschila I vystupila na zaschitu zhenscvhiny voobsche» (pevye russkie feministy I zhensky vopros) // Preobrazhenie. 1997. № 5. S. 88–96.
6. Istyagina-Eliseeva E. A. Zhenskaja emancipacia kak faktor razvitija mezhdunarodnogo fizskulturnogo sprotivnogo dvizhenia 1860–1920 gg. // Teoria I praktika razvitia fizicheskoy kultury. 2000. № 6. S. 9–12.
7. Kajtmazova N. V mire zakrytyh dverej // Obuchjenie za rubezhom. 2000. T. 2. № 14. URL: <http://www.otdyh.ru/show/article.php?id=6510> (data obrashchenia 20.04.2012).
8. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. Ulyustirovannaja enciklopedia mody. Praga, 1988.
9. Kobchenko K. «Zhinochy universytet Svyatoji Olhy»: istoria Kyhjibskych vyschyh zhinochyh kursiv. 2007.
10. Kovaklevskaja S. Vospominania detstva. M.: Prosveshchenie, 1974.

11. Kolesnikova T. Evropejskaja povsednevnaia 19 veka // Analitika kukturilologii. Elektronnoe nauchnoie izdanie. 2010. № 2. Vyp. 17. URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/212-article_24.html (data obrashchenia 20.04.2012).
12. Lovtsova N. Pefessionalnializaciia roditelstva: politika, teoria i praktika // Anthropologia professij / Red. P. V. Romanov, E. R. Jaraskaja-Smornova. Saratov, 2005. S. 434–461.
13. Morozova L. E. Velikie i neizvestnye zhenshiny drevnej Rusi. M.: ACT; Astrel; Harvest, 2009.
14. Myagkova S. N., Istyagina-Eliseeva E. A. Razvitie zgenskogo sporta v Rossii na rubezhe XIX – XX stoletij // Fizicheskaja kultura i sport — problemy, zadachi i reshenia. Mat-ly nauchn. trudov. Voronezh, 1998. S. 136–142.
15. Ponomareva V., Horoshilova L. B. Russkoe zhenskoe i obrazovanie v nachale XIX veka: priobreteniia i poteri // Mir istorii: zhenskij vzglyad. 2000. № 6. S. 22–48.
16. Ponomareva V., Horoshilova L. B. Mir russkoj zhenshiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka. M.: Russkoe slovo, 2008.
17. Pushkareva N. Derzkie i vdohnovennye // Otechestvennaya istoria. 2002. № 6. S. 42–51.
18. Razumovsky D. A. Teologija vepohu postmoderna, ili Postmodern vepohuteologii // Nauchny bogoslovskiy portal, 2008. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/361826.html> (data obraschenia 20.04.2012).
19. Stil V. Korset. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
20. Slavova M. T. Igra i igrovoe nachalo v belletristike dlya detej // Problemy detskoj literatury. SPb., 1987. S. 50–57.
21. Smolyar L. Mynule zarady majbutnyogo. Zhunochy ruh naddnipyrianskoj Ukrainy II pol. XIX – poch. XX st. Stirinky istoriji. Odesa: Astroprint, 1998.
22. Harvey J. Lyudi v chernom. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
23. Shishkova I. A. Razvitie zhanra «romany dlya devochek» v literaturno-hudozhestvennom processe viktorianskoj epohi i obraz «novoj devocjki» v proizvedenijah L. T. Mid // Filologicheskie nauki. 2002. № 2. S. 38–45.
24. Shishkova I. A. Nacionbalnaja mentalnost' v anglijskoj hudozhesstvennoj literature dlya podrostkov (konets IX–XX vv.): Dis. ... d-ra filol. nauk. Specialnost' 10.01.03. M., 2003.
25. Banner L. The American Woman from 1900 to the First World War: A Profile // Women's' Lives: Perspectives on Progress and Change / Eds. V. L. Lussier, Y. J. Walstedt. Newark, 1977. P. 97–98.
26. Bates Ü. Ü. et al. Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies. New York; Oxford, 1983. P. 198–199.
27. Braidotti R. Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory. New York, 1994. URL: <http://www.archive.org/stream/viaggiodamilano01amorgoog#page/n10/mode/2up> (accessed 20.04.2012).
28. Brander S. Higher Education (Universities) // Great Achievement — small changes. On the situation of women in Switzerland. Berne: Federal Commission for the Women's Issues, 1995. P. 106–109.
29. Caine B., Sluga G. Gendering European History: 1780–1921. London; New York, 2000.
30. Daskalova K. Bulgarian Women's Movement. // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 413–437.
31. Held V. Ethics of Care: Personal, Political and Global. Oxford, 2007.
32. John M. The Antinomies of Ruling Class Culture: The Buenos Aires Elite, 1880–1910 // Journal of Historical Sociology. 1993. № 6. V. 1. P. 85–88.
33. Minturn L. Sita's Daughters. Coming out of Purdah. The Rajput Women of Khalapur Revisited. Oxford, 1993.
34. Ünsal Gülmez N. From "Inside" to "Outside"; from "Clan" to "City" // Kadın/Woman 2000. Vol. 6. No. 1. 2008. P. 29–47.
35. Offen K. European feminisms, 1700–1950. A Political History. Stanford, 2000.
36. Poulsen Ch. Austria's System of Education. Training Paper. Women in European Universities Research and Training Network, 2001.
37. Richmond-Abbot M. The American Woman: Her Past, Her Present, Her Future. New York, 1979.
38. Roberts H. E. The Exquisite Slave: The Role of Clothes in the Making of the Victorian Woman // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. № 3. P. 554–569.
39. Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing Model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 541–557.
40. Tolstokorova A. Women's Professionalization as an Entrance into the Public Space in Ukraine: A Historical Retrospective // World History Bulletin. 2010. Vol. XXVI. № 1. P. 59–65.
41. Vögeli L. M. Education – Science – Research // Great Achievements, Small Changes: On the Situation of Women in Switzerland. Report by the Federal Commission for the Women's Issues. Berne, 1995. P. 101–112.
42. Weddle S. Women's Place in the Family and the Convent: A Consideration of Public and Private in Renaissance Florence // Journal of Architectural Education. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 64–72.